

Лэн Сяо содержали во временном изоляторе нашего военного порта.

Заклученный он был на редкость непростой. Последние дни между Шестым специальным отделом и руководством парижского штаба не утихали яростные споры: ни одна из сторон не желала идти на компромисс.

Шестой специальный отдел требовал выдать Лэн Сяо в Яньчэн. Париж же упрямо настаивал, что этот опасный преступник, объявленный в международный розыск, должен разделить участь господина Ильи Мороза Гогенцоллерна Неоянковского — предстать перед международным трибуналом и получить высшую меру. С какой стати решать все келейно и устраивать кулуарные сделки за их спинами?

Изолятор охраняли на совесть — в три кольца оцепления. Наши миротворцы с автоматами наперевес несли вахту, предельно собранные и напряженные: каждый понимал, что в клетке заперта не беззащитная овечка, а свирепый хищник.

Глупость, допущенная конвоем в Риме, уже давно стала притчей во языцех и главным посмешищем в кулуарах МКИА. Слитая в сеть двадцатисекундная запись с камер наблюдения, где Лэн Сяо в одиночку раскидал четверых охранников и совершил дерзкий побег, разлетелась по сайту WikiLeaks. Видео наделало шуму, добавив еще одну яркую главу в легенду о неуловимом суперагенте Шестого специального отдела Яньчэна.

Характер у Лэн Сяо был на редкость скверный и упрямый: если уж вобьет себе что-то в голову — расшибется в лепешку, а с пути не свернет. С Чжоу Бинем он общаться наотрез отказался. И плевать ему было, с чем пришел молодой господин Чжоу — предлагать ли сделку или изливать чувства. Разговаривать он не желал ни в какую.

Пэй И и сам уже жалел о содеянном. Поддавшись азарту вечного соперничества, он в порыве эмоций выложил все карты на стол и в лицо высказал чужую тщательно оберегаемую тайну. Для любого человека подобное стало бы жесточайшим ударом.

В конце концов, Пэй И не знал всей подноготной его жизни. Изломанная судьба, физические увечья, ужасы войны... Беззащитный сирота, вынужденный выживать в зловонной трясине, цепляясь за любую возможность уцелеть. Пэй И, которого судьба всегда щедро осыпала милостями, не имел никакого права глумиться над ним.

Согласно последней сводке, наши военные совместно с оперативниками штаба накрыли несколько подпольных фабрик близ рифтовой долины «Blade III» в Восточной Африке, полностью ликвидировав производственную базу, и перехватили в Красном море несколько замаскированных торговых судов. Торговцы оружием понесли колоссальные убытки. В ближайшее время на черном рынке оружия в Азии и Африке неизбежно начнется дефицит, а цены взлетят до небес.

Лэн Сяо сдал ключевую информацию, но не проронил ни слова с просьбой о пощаде или смягчении приговора.

Чжоу Бинь послушно приходил каждую ночь, дежурил у двери. Ему оставалось лишь сквозь стекло смотреть на безучастную широкую спину и пытаться завязать разговор в одностороннем порядке.

Люди всегда так устроены: лишь потеряв то, к чему нельзя прикоснуться, начинают горько жалеть, что не смотрели пристальнее, не уделяли больше внимания.

Подари он тогда не облезлого, изувеченного плюшевого медвежонка, подобранного в сугробе, а новенькую, чистую игрушку из магазина — возможно, вся их жизнь сложилась бы иначе. Но кому хочется быть сломанным медведем без лапы? И кто не мечтает с рождения быть безупречным, окруженным теплом и роскошью?

— Уходи. Чего вылупился на особо опасного преступника? — раздался его глухой голос. Лэн Сяо даже не повернул головы.

— Когда я лежал в госпитале с ранением, ты ведь тоже рисковал жизнью, чтобы меня навестить, — тихо произнес Чжоу Бинь.

Арестант заметно исхудал под стражей. Из-за нехватки белка в тюремном рационе мышцы спали. Чжоу Бинь с грустью смотрел на его длинные, спадающие на плечи волосы, вдруг поймав себя на мысли, что в этой фигуре сквозит странная, андрогинная красота. И сердце его вновь сжалось от запоздалого раскаяния.

— Если бы я не сдался, тебя бы ведь тоже прижали? — внезапно спросил Лэн Сяо, по-прежнему глядя в стену. — Наверняка устроили бы проверку по всем фронтам.

Чжоу Бинь опешил.

— Так вот почему ты... Прости меня.

— Не приходи больше, — отрезал Лэн Сяо. — Видеть тебя не желаю.

Тесная камера площадью от силы метров восемь. Односпальная койка, намертво привинченные к цементному полу стол и табурет, вмонтированные в стену унитаз и раковина — вот и вся нехитрая обстановка. Окон нет, под бетонным полом проложена толстая стальная бронеплита — даже крыса подкоп не сделает.

Лэн Сяо прямо заявил следователям:

— Здесь отлично, мне вполне уютно. Заприте меня тут навсегда. Я не поеду в центральную тюрьму штаба МКИА и не вернусь на родину. Хочу гнить здесь до конца своих дней.

Вооруженные до зубов солдаты заблокировали первую дверь шлюза. Посетители вошли во внешнее помещение, и массивные створки позади них глухо лязгнули, заперев замок. Впереди оставалась лишь одиночная камера — рубеж максимальной безопасности.

Сквозь небольшое смотровое окошко в двери они посмотрели друг на друга. Узник сохранял привычное безразличие, уставившись пустым взглядом в потолок, словно пытаясь полностью отгородиться от внешнего мира.

Пэй И щелкнул тумблером селектора и кивнул:

— Здравствуй, командир Лэн.

Тот медленно сел на край койки:

— Что еще вам нужно знать? Спрашивайте. Раз уж мы договорились, я буду делиться сведениями только с тобой, командир Пэй. Другим я и слова не скажу.

— Почему именно со мной?

— Считаю это дружеским жестом.

— Мог бы и с господином Чжоу поговорить, — усмехнулся Пэй И.

— Заткнись, — Лэн Сяо упрямо отвернулся. — Я с ним никогда не якшался! И в отличие от тебя, командир Пэй, под боком у меня нет мужика, который бы трахал меня до умопомрачения, спасая от зуда в заднице.

— Твоя правда. Зато спится мне в последние дни на редкость сладко и спокойно! — Пэй И поджал губы.

Его шкура давно стала дубленой, подобные выпады его не задевали. Он даже не удостоил взглядом стоящего позади Чжан Шаочи, чье лицо стремительно каменело.

Пэй И присел за стол для допросов во внешнем помещении.

Они в очередной раз осторожно заговорили о загадочном кукловоде.

— Я не знаю, кто это, — признался Лэн Сяо. — Мне ни разу не доводилось видеть его воочию. Тот, кто координировал нас из глубокой тени, присылая коды и инструкции простым нажатием

клавиш на клавиатуре... Он дьявольски умен. Определенно, хакер экстра-класса.

Людей, чьи таланты признавал сам Лэн Сяо, в мире можно было пересчитать по пальцам. Связь они держали исключительно по закрытым односторонним каналам связи или зашифрованной электронной почте.

В наш век высоких технологий международные преступные синдикаты давно взяли этот метод на вооружение. Протянув паутину оптоволоконных кабелей через материки и океаны, они выстроили колоссальную виртуальную сеть, позволяющую безнаказанно торговать наркотиками и оружием по всему земному шару. Покупатели и продавцы никогда не пересекаются лично. Полиция, даже накрыв конечного потребителя, бессильна добраться до верхушки и перекрыть финансовые потоки. Этих тараканов невозможно вытравить, пока не найдено их логово.

— Тогда в пещере наш враг выдал себя на экране. Возможно, намеренно, — задумчиво произнес Пэй И. — Ли Ханьцзянь оставил нам цепочку треугольников, пытаясь указать путь к отступлению. А тот псих в истерике стер предупреждающие знаки и напоследок вывел на монитор карту с Черной Мамбой.

— Еще бы, ведь он прекрасно знал твой позывной, командир Пэй. Черная Мамба, — хмыкнул Лэн Сяо. — О нем даже я наслышан.

— Этот враг — кто-то из наших, — тихо добавил Пэй И. — Он знает подноготную каждого из нас.

— А иначе как бы он заставил Нин Фэйюя и Хуан Юнфэна плясать под свою дудку? — Лэн Сяо пожал плечами. — Эти глупые мальчишки велись на любую уловку и послушно исполняли чужую волю, словно безмозглые марионетки.

— Но почему именно Сяо Нин и Хуан Юнфэн?

— Почему? Командир Пэй, а почему крупные наркобароны идут на безумный риск, убивают людей, воюют с полицией и лезут на рожон?

У каждого в душе таятся порочные, ненасытные желания. Человеческая алчность не знает границ. Невозможно мерить чужие аппетиты собственными ценностями — иначе неизбежно допустишь роковую ошибку.

Лэн Сяо говорил безучастно, с усталым цинизмом:

— Зачем копать в причинах? Я не наводил справки, но этих двоих сперва заманили в ловушку, а затем вживили им в череп микробомбы. Тебе ведь известно об этом, командир Пэй? Когда они осознали, во что вляпались, дергаться было уже поздно. Меня же обвести вокруг

пальца не удалось, оттого я и не отличался особым послушанием.

Чжан Шаочи сидел рядом за столом, сохраняя молчание, но его лицо становилось все мрачнее.

Пэй И покачал головой:

— И... только ради этого?

— А ты думал? — хмыкнул Лэн Сяо. — В лабораториях нашего Шестого отдела годами разрабатывали подобные штуки, да и на практике порой пускали в ход. Мы оба прекрасно об этом знаем, к чему строить из себя невинность? У одних оперативников в коренной зуб зашита капсула с цианидом, другие носят заряд прямо в черепной коробке, третьи пичкают всякой дрянью ушные каналы или виски. А куда вшил свою ты, командир Пэй? Разве все это — не наши личные, добровольно выбранные предохранители на случай, если жизнь окончательно полетит под откос?

С этого мгновения Пэй И изменился в лице. Он крепко сжал челюсти, а его пальцы судорожно вцепились в край стола — казалось, он сейчас разнесет прочную столешницу в щепки.

Чжан Шаочи нахмурился, чувствуя, как внутри все сжимается от глухой, невыносимой боли.

«Неужели это правда, Сяо Пэй? Сколько же еще тайн ты от меня скрываешь?..»

— У тебя капсула с цианидом? — скованный по рукам и ногам арестант пошевелил запястьем, указывая пальцем на собственную челюсть. Железо отозвалось резким, леденящим душу скрежетом.

Пэй И резко отвернулся, проигнорировав вопрос.

— У меня она в сорок шестом моляре, справа внизу, — оскалился Лэн Сяо. — И я отлично знаю, что прячешь ты, командир Пэй. Хватит ли у тебя смелости признаться при своем дружке, в какую часть тела ты вшил собственную микробомбу?!

Слово «бомба» острым клинком вонзилось в самое сердце Чжан Шаочи.

В этот миг его плечи мелко задрожали от подступившей ярости и глухого отчаяния. Он во все глаза смотрел на Пэй И.

Когда любишь человека всем сердцем, слова не нужны. Он мгновенно сопоставил факты, и в его глазах застыла немая, раздирающая душу мука.

Пэй И мертвенно побледнел. Он резко поднялся со стула, намереваясь уйти.

Теперь Пэй И окончательно понял, почему Лэн Сяо наотрез отказался видеть Чжоу Биня, но настоял на встрече с ними двумя. Это была его изощренная, тонкая месть. Он хотел прилюдно сорвать покровы с чужой постыдной тайны.

Удар под дых, жестокий и точный — в лучших традициях Лэн Сяо.

— Что, сорвал я твою маску, а, Пэй? — расплылся в улыбке арестант. Пускай он сидел под замком, лишенный всякой силы, но сейчас он праздновал победу. — До чего же жалкие создания мы с тобой. Годы пресмыкались в сырых, темных норах, словно живые мертвецы. Наши маски давно приросли к лицу. Мы разучились искренне радоваться, стыдимся проявлять слабость... даже собственные телесные нужды вызывают у нас омерзение.

— Ублюдок, — процедил Пэй И. — Ты закончил?

Лэн Сяо сжал кандалы с такой силой, словно пытался раздавить металл. В его глазах вспыхнул безумный огонь:

— Свои дни я закончу в этой клетке, и это заслуженно. Но ты, командир Пэй... неужели тебе тоже нравится эта пытка? По крайней мере, теперь я знаю, что не один я здесь такой калека, неспособный трахаться как нормальный мужик!

Безумный, надрывный хохот эхом покатился по камере. Последняя маска, которую Пэй И так тщательно удерживал на лице, разлетелась вдребезги.

В его памяти на миг возникла бескрайняя белая пустыня, одинокое сухое дерево на ветру и багровое солнце, медленно поднимающееся над линией горизонта...

Как ни странно, эти жестокие слова принесли ему облегчение. Словно на голову вылили ушат ледяной воды: сперва перехватило дыхание от пронизывающей стужи, но затем оцепенение ушло, и по телу разлилось долгожданное тепло.

Пэй И поднял взгляд. Он все еще стоял здесь, в мире живых. И шрамы, похожие на жуткие ожоги, начинают затягиваться лишь тогда, когда находишь в себе силы заговорить о них вслух.

Чжан Шаочи незаметно подошел со спины, приобнял Пэй И за талию и крепко перехватил его за запястье.

Он не собирался устраивать допрос с пристрастием. Ему хотелось лишь одного — немедленно забрать своего мальчика отсюда.

«Глупый мой... Ты вечно истязал себя, ни капли не жалея. Что же ты с собой сотворил?..»

Пэй И упрямо вскинул подбородок и сквозь решетку посмотрел Лэн Сяо прямо в глаза:

— Я не такой, как они. Меня никто не шантажировал и не принуждал. Каждый свой выбор я делал с холодной головой и по собственной воле. И я никогда не считал свою жизнь жалкой или ничтожной.

Однако стоило ему повернуться к выходу, как плечи предательски дрогнули. Вся его напускная уверенность была лишь ширмой для чужих глаз.

Перед единственным близким человеком он мгновенно лишился брони: съежился, опустил голову и отчаянно пытался избежать взгляда Чжан Шаочи. Точно напроказивший трехлетний ребенок, который боится признаться родителям и готов забиться в самый дальний угол, лишь бы его никто не трогал.

Чжан Шаочи железной хваткой сжал запястье Пэй И и потащил его за собой.

Он до зубного скрежета пожалел, что в прошлый раз ограничился обычным кляпом, а не вырвал этому ублюдку язык с корнем.

— Теперь я все знаю, — Чжан Шаочи обернулся и свирепо посмотрел на запертого в камере арестанта. — Закрой пасть и забудь об этом раз и навсегда. Проговоришься кому-то — пеняй на себя.

— Мне нет дела до чужих секретов, — Лэн Сяо равнодушно уставился в потолок. — Сплетничать — не в моих привычках.

— Вот и отлично, — отрезал Чжан Шаочи. — Считаю, мы квиты.

Лэн Сяо утер лицо ладонью и хрипло расхохотался:

— Что, босс Чжан, неужели ты мне даже не благодарен? Ну, желаю удачи с обезвреживанием этой бомбочки сегодня ночью! Ха-ха-ха!..

— Следи за собой, — бросил Чжан Шаочи и с силой нажал на кнопку, отключая селектор. Смех в камере оборвался, оставив Лэн Сяо в полном одиночестве.

Чжан Шаочи чувствовал, как его собственное сердце разрывается на куски, но лицо его оставалось каменным.

Когда они стремительно вылетели из коридора, то едва не сбили с ног дежурного солдата. Напуганный паренек-новобранец на автопилоте вскинул автомат, целясь в них.

Чжан Шаочи мягко отвел дуло в сторону и жестом показал опустить оружие:

— Все в порядке, боец. Спокойно, без глупостей.

Пэй И, которого он крепко прижимал к себе, тяжело дышал. Губы его были сжаты в тонкую линию. Внезапно он дернулся назад:

— Отпусти... Я вернусь и твари этой зубы выбью...

— Тише, маленький мой... — Чжан Шаочи перехватил его поудобнее, не позволяя вырваться, и прижал к своей груди.

Они покинули эти мрачные казематы. Шагнув за порог неприступной стальной крепости, Чжан Шаочи уводил своего любимого прочь из его внутреннего ада — навстречу яркому солнечному свету.

<http://bllate.org/book/19434/1999049>